

Никита Смирнов

"День Рождения - Запрещамбель!"

Повесть-сказка для детей

Никита Владимирович Смирнов

День Рождения – Запрещамбель!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27062367
SelfPub; 2017*

Аннотация

Ученики пятого класса отправляются на экскурсию в усадьбу знаменитого писателя. Хулиган Горшков находит тайный ход в волшебное королевство. Король испортился: он издает безумные указы: запрещает смех, дни рождения. А также обязывает каждого жителя носить на носу прищепку, и стучать себя по лбу колотушкой. Нужно разгадать клубок загадок: почему король стал таким? Как вернуть ему разум и отменить указы? Детям предстоит пройти испытания на мужество и человечность, и помочь жителям королевства.

Никита Смирнов

«День Рождения – Запрещамбель!»

I

Учительница пятого класса Светлана Евгеньевна Веточкина с утра была не в духе. Ее новенький мобильный телефон сошел с ума. Суть сумасшествия заключалась в том, что аппарат начал генерировать любовные смс-ки.

«Светлана Евгеньевна, я вас люблю, я вам дарю», и ряд букетиков разной степени лохматости. Светлана Евгеньевна, загибая пальцы на руке, стала судорожно считать, кто из всех ее знакомых и учеников мог правильно написать ее отчество – Евгеньевна. Так, с одним загнутым пальцем, по весеннему ледку она подошла к воротам школы.

Следующая смс-ка настигла ее в дверях класса. Диннь! От неожиданности она выронила кипу бумаги, которая выпорхнула из рук и моментально разлетелась по классу. Присутствовавшие в классе Поросёнова, Дубовицкая и Шушкина заверещали одновременно. Бумаги были общими усилиями собраны, на новеньком табеле красовался отпечаток детского кроссовка.

Прочитать смс-ку удалось только на большой перемене:

«Поставте Горшкову петерку по рускому и я падорю вам миллион цветов если не поставете»... здесь смс-ка многозначительно обрывалась. Видимо, тайный поклонник не придумал страшную кару, либо уронил свой телефон в тарелку со столовской кашей.

Большая перемена заканчивалась, Светлана Евгеньевна вошла в пустой класс. В классе испуганно повисли 60 секунд тишины. Эти секунды требовались на то, чтобы 28 пар ног проскакали путь от столовой до дверей класса. За эти 60 секунд Светлана Евгеньевна успела:

- собрать с пола 6 карандашей, 4 ручки, 2 учебника и одного мишку, уроненных при штурме столовой,
- написать на доске тему урока,
- поглядеться в зеркало,
- полить цветы,
- заполнить табель,
- ответить разъяренному папе на смс с вопросом, почему Сева Пляскин пришел домой с покрашенными зеленой краской ушами,
- отлепить от пола жвачку,
- и поздороваться с завучем.

После чего в класс влетел орущий ком детей. Зазвенели стекла, бюст Льва Толстого зажмурился в углу.

– Светлана Евгеньевна, а Горшок, то есть Горшков, телефон в кашу уронил! Телефон в кашу! Горшок в кашу! Горшок каши! Ха-ха-ха! А нам давали бутерброды, а Хомяков съел четыре! Нет, он не сам взял, это мы ему отдали! Он бы и шесть съел! И три стакана компоту! А почему у Иван Семеныча лысина? А я пропуск потерял! Не толкайся! А где моя тетрадь? А кто жвачку прилепил? А у нашей Муськи щенки, то есть котята... Щенки! Котята! Хомяки! А-ха-ха! А у ме-

ня...

Светлана Евгеньевна проделала обычную для таких случаев последовательность действий. Вначале она, протиснувшись сквозь клубок детей, закрыла дверь в класс, отсекая таким образом поток ора из коридора и других классов. Потом свернула из листа А3 большой рупор. Потом набрала побольше воздуха, сделала паузу, и...

– Внимание, звонок!

И прозвенел звонок.

Дети, замороженные этой способностью учительницы всегда точно предугадывать звонок, расселись по партам. Воспользовавшись их заколдованным состоянием, она сделала объявление:

– Ребята, 8 марта мы не учимся. Будет экскурсия.

Дети мгновенно расколдовались.

– Экскурсия?! Ур-ра! А куда? На конфетную фабрику? А конфеты будут давать? На фабрику елочных игрушек? В зоопарк? Я хочу пингвинов погладить! А конфеты! Ха-ха-ха! Конфеты гладить! Нет, стирать! На пингвинную фабрику! Стирать пингвинов! Ха-ха-ха!

Со своего места встала Соня Лейнеккер. Шарик ора сразу сдулся и опал. Соню Лейнеккер прозвали Линейкой, потому что у нее была прямая осанка, и она была круглой отличницей с двумя косичками и строгим скрипучим голосом.

– Светлана Евгеньевна, скажите, пожалуйста, а куда экскурсия?

– Экскурсия, дети, в историческое место. В усадьбу 18 века, где жил известный писатель Полей-Цветочкин...

– У-у-у... – протянулся разочарованный вздох. – Писатель. Лучше бы на фарфоровый завод. Там можно чайник сделать.

– Писатель, фигня какая-то, я такого даже не знаю, – это пробубнил с третьей парты лидер общественного мнения – очкарик Ватрушкин. Ватрушкин научился читать в год и три месяца (по его словам), и к настоящему моменту прочитал три с половиной тома энциклопедии «Хочу все знать». Поэтому его авторитет в делах литературных был непререкаем.

Рейтинг поездки стремительно падал. Было слышно, как скрипят мозги учеников, придумывая причины, почему они не поедут. Только Горшков на задней парте яростно тер салфеткой свой телефон. Пот капал со лба на парту. Светлана Евгеньевна неожиданно для самой себя зловещим шепотом произнесла:

– Ходят легенды, что в усадьбе живет говорящий кот!

Гробовая тишина случилась в классе на целых пять секунд. Первым нарушило тишину хлопанье глаз Сашеньки Синичкиной, которая тонюсеньким голосом пропищала:

– Мамочки, говорящий кот...

По рядам прошелестело: говорящий кот, говорящий! Рейтинг уверенно пополз вверх.

– Сбор 8 марта в 10 утра возле школы! Усадьба за городом. Форма одежды – походная. Мы будем гулять по парку,

а потом пить чай в усадьбе. И не опаздывать! – забила последний гвоздь учительница, будучи уверенной, что человек десять авантюристов точно поедут.

– Записываем тему урока...

II

Сияющий новенький автобус стоял у школы, круглолицый веселый шофер попинывал колеса, протирает тряпкой стекла. Светлана Евгеньевна отмечала пришедших.

1. Синичкина Саша. Пришла первой. Фотоаппарат, чтобы фотографировать кота. Хорошо, что без кинокамеры.

2. Петя Горшков. Горшков! Слезь с дерева! Подойди к автобусу! Стой тут! Змея! Откуда у тебя змея? Боже, она резиновая... Уфф. Вот ведь как стали делать, не отличишь... Стой здесь, рядом со мной. Куда ты?..

3. Соня Лейнеккер. Минута в минуту.

4. Сева Ватрушкин. Ну куда ж без него. У него родители филологи.

5. Вика Поросёнова.

6. Рита Дубовицкая.

7. и Ангелина Шушкина – эти трое всегда вместе.

8. Хомяков Паша. Паша, что это у тебя в руках? А, бублик. Нет, спасибо, не хочу. А вообще давай. Мм, вкусно. Бабушке спасибо передай.

9. Антонов Сережа. Сережа, ты опять в спортивном костюме? Нет, кросс бегать не будем, только гулять.

– Ребята, я взяла фотоаппарат, если увидите кота, сразу говорите мне! – тонким, но твердым голосом убеждала Синичкина. – Я папе рассказала, он не поверил, но фотик дал.

– А я взял термос с чаем. Пятилитровый. С вареньем. У меня родители с этим термосом на Эльбрус ходили, – довольно пробасил Хомяков, жуя и одновременно улыбаясь.

– Ты чего? Зафигом термос? Там же усадьба! Нас посадят за резной стол, и чай нальют в фарфоровые чашки! Как тогда, на фабрике!

– Нет, не нальют!

– Нет, нальют!

– Тогда в автобусе выпьем. Ехать два часа, – отрезал Хомяков и протянул огромный пакет с бубликами. Угощайтесь. Ребята расхватили бублики.

– Хома, что тут? Бублы? – влетел Горшков. М-м-м, обожаю! Смотрите, что у меня! Змея, как настоящая! Я уже ей Светлану Евгеньевну напугал, прикиньте! У меня еще паук есть, но я его потом, для усадьбы поберегу. Зайдем в какой-нибудь темный чулан, и тут я – уиииоуэ! – здесь Петя издал страшный звук, который, по его мнению, издают пауки, нападая в темных чуланах на молодых учительниц.

– Дурак ты, Петька! Тебя из школы выгонят, – со знанием дела произнесла Вика Поросенкова, упитанная девочка с розовым бантом. У нас во дворе мальчик учительнице подбросил мышь, и его чуть не выгнали. И ты дождешься.

– Мы-ышь! Вот бы ее поймать! Визгу будет!..

– А моя мама говорит, что хулиганы успешны в бизнесе... – мечтательно сказала Ангелина Шушкина. Горшков раскрыл рот от удивления. Это был первый за многие годы довод в пользу бытия хулиганом.

– Это называется э-па-таж! Горшков эпатирует нас, чтобы привлечь к себе внимание. Дешевый трюк! – вонзила спицу Соня Лейнеккер, войдя в кружок, как раскаленный гвоздь в масло. Горшков нахмурился, кулаки его сжались.

– Слышь, Линейка, я те щас!.. Сама ты патаж-лопатаж! Слышь, что Шушкина говорит – успешные в бизнесе! Я, может быть, будущий Стив Джобс!

– Ха-ха-ха! Стив Джобс! Умора! Слышали? Горшок – Стив Джобс!

– Чтобы быть Стивом Джобсом, нужно в компьютерах разбираться. А ты на информатике рожи рисуешь. На кружок робототехники один раз пришел, и то сбежал... – это подошел Игорь Великанов, несмотря на фамилию, самый маленький в классе.

– Ты, Горшков – выскочка. Тык-пык, шума много, а толку мало. Вечно заваришь кашу, а другие расхлебывай. Ты хоть что-нибудь полезное сделал? Хоть одно дело конца довел? – спросила Дубовицкая.

– Антонину Ивановну он довел, – усмехнулся Великанов.

– Слышь, я довел! – загорячился Горшков, судорожно припоминая свои недавние дела. Правда, все, что вспомни-

лось – это недочитанный Диккенс, и недособранный истребитель. – Я, может быть, руководителем стану! А ему главнее вести других вперед.

– Да ты бросишь все на полдороге, – припечатала Дубовицкая. – И сбежишь.

– Лучше диски мои доведи обратно, – улыбнулся Великанов.

– Так, Великанов приехал, это десять, – бормотала про себя Светлана Евгеньевна. Ольга Ивановна, пожалуйста, заберите у Игоря ноутбук, он ему не понадобится. И планшет тоже! Спасибо.

– Гора, пойдем на турники, по десять подтягиваний! Или в лесенку!

Это Сережа Антонов, обежав вокруг школы два круга, приставным шагом летел на спортивную площадку. Но их планам не суждено было сбыться.

– Все в автобус! Отъезжаем!

– Подождите! Нас забыли! – раздался крик откуда-то сбоку. Все глянули в окно и увидели бабушку Севы Пляскина и самого Севу. Двери автобуса с шипением открылись, и бабушка принялась запихивать в автобус внука и пакет со снедью. Моментально запахло свежей выпечкой. Улыбающийся Сева обнимал пакет, бабушка крестила окна.

– Пляскин. Одиннадцать. Поехали!

Ехали весело, пили чай из термоса, хомячили бублики, потом принялись за пакет с пирожками. Составили коллективное благодарственное письмо Севиной бабушке за пирожки, потом Пашиной – за бублики, потом пели песни, потом частушки. Потом разглядывали остатки зеленой краски на ушах Севы. Тот мирно спал. Провели расследование относительно того, кто покрасил ему уши. Все следы вели к Горшкову. Отобрали сиреневый фломастер у Горškова, который намеревался второй раз окрасить пляскинские уши. Зафиксировали Горškова на втором сиденье и привалили спящим Севой.

Автобус уже выкатил за город, мурлыкало радио, спальные районы начали сменяться рощами. Автобус остановился на одиноком светофоре. Красный горел бесконечно долго, так что автобус начал даже почихивать от нетерпения. Горшков поднял голову и глянул в окно. В стороне от дороги на опушке рощицы было какое-то движение.

– Велик, дай бинокль! Быро! – Горшков протянул руку в сторону Великанова. Тот даже не шевельнулся.

– Велик, ну ты чего?

– Ты забыл волшебное слово, – назидательно произнес Великанов. – Повторяй за мной: по-жа-луй...

– Позялустя! – передразнил Горшков. – Давай бырей, не жмись. Подозрительная активность в роще. Дальность три-

ста, азимут сто. Наблюдаю.

Настроив резкость, он увидел, что стая рослых дворняг кружится вокруг дерева. Одна собака, рыжая с кучым хвостом, опершись лапами на ствол, лаяла, глядя куда-то наверх.

– Что они там увидели? Белку что ли? – подумал Горшков.

Автобус тронулся, Горшков продолжал искать белку в ветвях дерева. Когда автобус поравнялся с рощей, Горшков увидел, что на нижней ветке сидит маленький черный котенок. Он был черен, как уголь, шерсть стояла дыбом, глаза испуганно блестели, а лапки вцепились в ствол.

– Стоооой! – заорал Горшков и, сорвавшись с места, побежал в начало, к кабине шофера. – Пожалуйста, остановитесь! Там... котенок!

Водитель дал по тормозам.

– Надо его спасти! Хома, дай сюда пакет с пирогами! Велик, Серега, за мной, прикрывать будете!

– Там котенок на дереве, они его сожрут! – проорал он в глубину салона. Великанов и Антонов моментально оказались рядом с ним и начали пробираться к двери. Но тут Светлана Евгеньевна закричала:

– Горшков, я запрещаю тебе выходить! Они могут укусить!

– Но там котенок... – заплакала Саша Синичкина, закрыв лицо руками. Все ребята уже прилипли к стеклам и наблюдали за рощей. Хриплый лай был отчетливо слышен. Горш-

ков стоял у кабины, водитель пожимал плечами:

– Не могу, учительница запретила. Не имею права...

– Тогда я щас стекло разобью! – Горшков сжал кулаки, он был настроен решительно. Дворняги обступили дерево, было ясно, что они голодны и очень злы.

– Да что вы сидите? – прокричал Горшков остолбенелым ребятам. – У меня рогатка есть! Открывайте!

Водитель вздохнул, вытянул из-под сиденья длинную железную монтировку, открыл дверь и, повернувшись, спокойно сказал Светлане Евгеньевне:

– Мы мужчины. И мы туда пойдем.

Они вышли из автобуса. Две дворняги обратили на них внимание и двинулись навстречу. Горшков вытащил рогатку.

– План такой. Велик, бери пироги и кидай в сторону, отвлекай. Серега, прикрывай Велика. Камней захватите. А мы прорываться будем.

Антонов поднял с земли несколько увесистых булыжников, и вместе с Великановым они начали заходить сбоку. Зашвырнув несколько пирожков в траву, присели, держа камни наготове. Две собаки сразу же учуяли их, отделились и побежали искать пирожки, водя носами у самой земли. Рыжая разъяренно лаяла, скаля зубы. Она не думала уходить. Горшков, не сводя с нее глаз, заложил самый увесистый шар, прицелился и пустил шар прямо в облезлый бок. Шмяк! Дворняга взвизгнула, покатилась клубком, потом вскочила и ри-

нулась прямо на него. В следующую секунду Горшков увидел ее пасть прямо перед собой. Бац! Это водитель огрел дворнягу по хребту, и она, воя, отлетела в сторону. Еще две побежали ей на подмогу, лая и щетиня загривки. Все трое ринулись вперед. Но тут Великанов с Антоновым развернули орудия и проявили чудеса меткости, осыпая собак градом камней и комьев глины. Троица остановилась, завертелась на месте, воя и скуля. Камни шмякали по бокам и спинам.

– Беги к дереву! – проревел водитель, и Горшков в два прыжка добежал до дерева и взлетел вверх по стволу. Он протянул руки к котенку, тот бесшумно мяукал, намертво вцепившись в ветку. Горшков кое-как отодрал его от дерева, и котенок с испугу так вцепился когтями в руку Горшкова, что у того выступили слезы от боли. Посмотрев вниз, он увидел, что ребята высыпали из автобуса и, на бегу хватая что попало с земли, швыряли в убегающих собак. Те улепетывали, только хвосты мелькали над прошлогодним сухостоем.

– Ты ранен? – спросила Саша у Горшкова, когда тот вошел в автобус, держа в руках завернутого в свитер котенка. На руке было несколько царапин.

– Ерунда. До свадьбы заживет.

Остаток пути было чем заняться. Промывали и перевязывали раны Горшкова, разглядывали котенка, придумывали имя, наперебой спорили, кто заберет его себе. Так и доехали.

Усадьба началась высоким забором, за которым был самый обыкновенный лес. Приехавшие было размечтались, что в глубине леса их ждут норки хоббитов, или гномьи домики, или замок какого-нибудь мага или волшебника. Все оказалось проще: это был большой дом подковообразной формы, до которого еще надо было топать по дорожке. Топать предстояло около получаса по парку, Светлана Евгеньевна была сильно озабочена ориентированием на местности, боясь заблудиться. Пока он водила пальцем по карте, дети спокойно разбились на группки и, болтая обо всем на свете, зашагали по дорожке вперед. Заблудиться было решительно невозможно: дорожка была одна и привела их прямо к дому.

– Фе-е... Я думала, тут целый замок будет. А тут обыкновенный дом, – надула губки Поросенкова. – Ну или хотя бы пещера какая-нибудь.

– У моей бабушки в деревне такой же, – фыркнула Лейнеккер. – Ну почти такой. Светлана Евгеньевна, чего нам по этому пыльному дому бродить? Может, просто по лесу погуляем? Погода хорошая.

Светлана Евгеньевна уже и сама склонялась к тому, чтобы просто погулять по лесу часок и вернуться на автобусе обратно. Действительно, что интересного может быть внутри? А про писателей она и сама расскажет. В общем, решено.

– Светлана Евгеньевна, давайте на минуточку зайдём? – это неразлучная троица Поросенкова-Шушкина-Дубовиц-

кая подошли, держа на руках котенка. – Может быть, у них молоко найдется. Он голодный.

Котенок спокойно глядел агатовыми глазами, как бы подтверждая: да, нужно зайти.

Дом вначале показался необитаемым. Потоптавшись минуту, набрались смелости и потянули медную ручку двери. Дверь сразу же бесшумно отворилась и пригласила всех войти в просторный холл. Холл был светлым и широким, пол паркетным и чистым. Пахло чернилами. На пути вошедших громоздился нелепый письменный стол с конторкой. На столе стоял старинный письменный прибор с настоящей чернильницей, перьями и пожелтевшей бумагой. Крышечка чернильницы была открыта, как будто хозяин на минутку встал из-за стола и вышел на кухню за чашкой чая.

Светлана Евгеньевна осмотрела прихожую и разок кашлянула, но никто не появился.

– А не так уж здесь и скучно. По крайней мере, на первый взгляд. Ой, какая портьерная ткань, какая вышивка... – подумала Светлана Евгеньевна и пошла щупать портьеры.

Дети, недолго думая, тоже разбрелись по залу, кто разглядывал картины на стенах (а на них был изображен хозяин: на рыбалке, за столом, на прогулке в лесу), Саша Синичкина фотографировала роскошную люстру. Все в комнате было интересным: потемневшие деревянные панели на стенах, статуэтки, африканские маски, туземные копья и щиты, тяжелые портьеры, резные перила на мраморной лестни-

це. Кто-то любопытный, уже попробовав кинжалы на остро-ту, ковырял обивочную ткань на стенах, пытаясь понять, чем она отличается от обоев у него дома. Конечно же, этим кем-то был Горшков. По дороге в усадьбу он проверил походное снаряжение. Новенькая рогатка и десяток шариков к ней, две шоколадки, перочинный ножик, лупа и охотничья зажигалка. Горшков был запасливым – а кто знает, чем может обернуться простая поездка...

– Ух ты! Чернила! Настоящие! Ребзя, а давайте чернилами писать?! В жизни не писал чернилами, – предложил Пляскин. Все сгрудились вокруг стола.

– Фи, у моего папы этих чернил – сто штук! – фыркнула Рита Дубовицкая. И еще всяких перьев и кисточек и ручек штук триста. Ну а бумаги так вообще полный дом.

– Он у тебя писатель? – осторожно поинтересовался Великанов.

– Он дизайнер. Рисует всякие красивые открытки и эти, как их... Гравюры.

– Бордюры! Дизайнеры на компьютере все делают. Перья – это каменный век, – усмехнулась Соня.

– Что ты понимаешь? У него есть компьютер, но он предпочитает все делать на бумаге. А на компьютере мама играет.

– Может, он не дизайнер, а художник? Светлана Евгеньевна, а в чем разница между дизайнером и художником?

– Даже самый лучший компьютер не всегда способен заменить руку художника, – подошла Светлана Евгеньевна.

Она было набрала воздуха в легкие, чтобы ярко и красочно рассказать детям об этой разнице, а потом о Микеланджело, классицизме и барокко (она когда-то окончила с отличием художественную школу), но тут на лестнице мягко затоптали.

Быстрым шагом с лестницы спускался человек. Его странная наружность заслуживала того, чтобы рассказать о ней подробно. Человек был пушисто-рыж, пушистые брови прикрывали зеленоватые с хитринкой глаза. Круглое улыбающееся лицо украшали прероскошные усы, и когда он двигался, они будто плыли вперед него. Росту он был среднего, даже невысокого, одет в кургузый серый жилет. Отороченный, впрочем, воротником превосходного рыжего меха. Неопределенного цвета брюки, а на ногах... меховые тапочки.

Он моментально приковал всеобщее внимание, и только наблюдательный Великанов заметил, что люстра слегка покачивалась.

Человечек раскланялся, и заговорил, поправляя полы жилета:

– Здр-равствуйте, дор-рогие др-рузья!..

Букву «р» он мягко раскусывал на несколько частей, как ириску, и предъявлял публике.

– Очень р-рад, чрррезвычайно р-рад! Кто вы такие и с чем пожаловали?

Горшков было раскрыл рот, чтобы удивиться, почему никто не знает о приезде, но вперед выступила Светлана Евге-

ньевна.

– Мы пятый «А», из школы номер 132, на экскурсию от комитета образования. Десять человек, остальные не смогли. Я классный руководитель, Светлана Евгеньевна, а это... Она задумалась, надо ли всех представлять поименно.

– Очень, очень р-рад! – заворковал человечек. – Меня зовут Аф-фанасий Иванович, я хранитель и смотритель этого места. Пр-рошу вас подойти к столику, я запишу ваши имена. У нас впервые такое событие, но я все подготовил. Ать-два!

Все подошли к столику. Афанасий Иванович уселся на венский стул, открыл ящик стола и достал плоский деревянный ящичек. В ящичке лежали свежеотпечатанные билеты на экскурсию с отрывными корешками. Ловко макая перо в чернильницу, смотритель писал фамилии и имена и пропечатывал корешок печатью в виде кошачьей лапки, приговаривая:

– Билеты, пожалуйста, предъявляйте контролеру. Спасибо, следующий. Ать-два!

Когда все билеты были надписаны и высохли, гости стали крутить головами в поисках того самого контролера. Пока наконец кто-то не осмелел и не спросил:

– А кто же контролер?

– Это я, др-рузья! – возник Афанасий Иванович, улыбаясь эффекту произведенной им шутки. Прошу, ваши билеты.

Так же виртуозно оторвав корешки у билетов, смотритель

установился на котенка, который спал на руках у Дубовицкой.

– Э-м-м... Безбилетный пассажир-р?

– Это котенок, – выступила Синичкина. – Его Петя спас.

– Спас? – лицо его сделалось серьезным. – От чего?

Все наперебой стали рассказывать о схватке с собаками, Горшков стоял в стороне и смущенно теребил нос.

– Гм... Но ведь это совершенно меняет дело. Позвольте, – Афанасий Иванович взял котенка и мягко забормотал. – Ну как тебя угораздило туда пойти? Без сопровождения взрослых... Ай-яй-яй...

– Минуточку, дор-рузья. На сцене появляется... блюдце молока! – он открыл дверь в чулан, нырнул внутрь, зазвенела посуда, заплюхало наливаемое молоко. – Посиди здесь, и никаких больше фокусов! Смир-но! Кр-ругом! – послышалось из-за двери, и Афанасий Иванович вновь возник с широченной улыбкой на усах. Подойдя к Горшкову, он почти-тельно кивнул головой.

– Благодар-рю вас, молодой человек, – и едва заметно подмигнул. После чего последовал приглашающий жест.

– Ага, чулан есть, – подумал Горшков.

– Прошу вас, дор-рогие друзья. Экскур-сия начинается. Шагом марш! Ать-два! – и смотритель зашагал вперед с выправкой генерала. Ребята гуськом потянулись за ним.

– Как же, начинается – шепнул Горшков и, схватив за рукав Хомякова, скользнул в дверь. Тот от неожиданности даже не пикнул.

Первым делом Горшков осмотрелся. Чулан был заставлен сломанными стульями и прочим хламом, котенок лакал молоко из блюда. Горшков притянул к себе Хомякова и, знаком приказав тому молчать, заговорщицки зашептал:

– Хома, короче, слухай сюды. Мы с тобой теперь спецназ. Место это подозрительное, и Иваныч этот очень подозрительный. В общем, надо тут все обшарить, носом чую приключения. План такой...

– Не-е, ты что, – затыкнул Хомяков. Попадет, родителей вызовут.

– Да ладно тебе! Что мы там будем ходить – скукота же. Мы сами тут все обшарим, а потом ка-ак выскочим откуда-нибудь!

– Не-е, Петька, я не хочу, – нудел Хомяков. – Да и Светлана Евгеньевна за нас отвечает. Ей тоже попадет, если с нами что случится.

Этот аргумент, казалось, подействовал на Горшкова. К тому же Хомяков явно не хотел быть спецназом и тянул его за рукав обратно.

– Короче, Хома, делаем так. Сейчас чуток ждем, пока они в следующую комнату не перейдут. Ты идешь, а я останусь. Разнюхаю тут все. Только смотри, не сдай меня, – Горшков показал увесистый кулак.

– Ла-адно.

– Пошли, они уже в другой комнате.

Тем временем группа под руководством Афанасия Ивановича перешла в другой зал. Он был гораздо меньше предыдущего, на стенах висели шкуры, рога, старинные ружья и сабли, у стен темнели шкафы с хрусталем. Посередине стоял овальный ореховый столик, вокруг него несколько кресел с подлокотниками. Черный, метровой высоты зев камина прикрывала низенькая решетка, по бокам висели разнообразные крючки и кочережки для ворошения углей. Афанасий Иванович разглагольствовал:

– Здесь Илья Антонович написал свои лучшие, по мнению критиков, произведения. Кстати, я не упомянул самого главного (а вы и не спросили) – он был детским писателем. Манера письма его была весьма изощренной. Он, сидя в этом самом кресле, диктовал рассказы карлику-пигмею, привезенному из Папуа-Новой Гвинеи. Который, стоя вон за той конторкой, процарапывал их на специально подготовленных медных дощечках. С поразительной для пигмея скоростью. После чего машинистка перепечатывала набело. Здесь написана повесть для подростков «Бирюлёвый Хмышц», цикл рассказов: «Бузка и Капитан Чернозуб», «Похождения щенка Чапы» и сделаны наброски к роману «Тыц»! Никаких редакций и правок – все сразу набело! – с гордостью сообщил хранитель, вытащил невесть откуда трубку и закурил ее. – А теперь – ать-два! – готовьсь...

Горшков обследовал чулан по всем правилам детективного искусства: с фонарем и лупой. Чулан был довольно длинным и вместительным и имел несколько выходов: по одному в каждую залу. Горшков искал таинственные знаки, следы сокровищ или, на худой конец, старые рыцарские латы. Но увы, ничего кроме сломанных стульев, медных тазов и засохшего бутерброда с сыром найти не удалось. Горшков вытер лупу об штаны и стал наблюдать за тем, как ребята перетекают в следующий зал, обдумывая, как бы кого напугать неожиданным появлением. Как вдруг его внимание привлекло появление небольшого серого комочка около каминной полки. Приглядевшись, он увидел, что это была мышь. Она спокойно сидела на пакете с бубликами, забытом Хомяковым и, держа в лапках кусочек съестного, обтачивала его со всех сторон.

– Вот это да! Мышь! Вот бы ее поймать, а потом подбросить девчонкам! Только как...

Его мысль лихорадочно работала, а пальцы мяли в кармане рогатку, и в этот момент он почувствовал на плече что-то теплое и мягкое. От неожиданности он обернулся и увидел перед собой рыжие усищи Афанасия Ивановича.

– Тссс! Спугнете! – тот кивнул на мышь. И вообще, что вы здесь делаете, молодой человек? Неужели вас интересуют сломанные стулья? – прошептал хранитель, не отрывая взора от мыши.

– Я... Да я... просто посмотреть.

В этот самый момент в комнату вошел Хомяков, ища глазами пакет с бубликами. Мышь приподнялась на задних лапках. Афанасий Иванович взглянул на нее, глаза его округлились и загорелись желтым огнем. Хомяков увидел пакет, двинулся было к нему, как вдруг, ощерившись, Афанасий Иванович ринулся прямо на мышь. Но не на двух ногах, а на всех четырех! Мышь моментально соскочила с полки и заметалась по комнате. Хранитель, издавая короткое «Рь-яяуу», бесшумно носился за ней. Наконец мышь, сделав обманную петлю вокруг кресла, устремилась прямо в черную пещеру камина. Афанасий Иванович, сложив ладони лодочкой, нырнул мгновенно следом. И тут же пропал. Только трубка, покачиваясь, лежала возле каминной решетки.

Хомяков от неожиданности раскрыл рот и только мотал головой, переводя взгляд от камина к пакету с бубликами. Горшков очухался быстрее. Выйдя из чулана, он посветил фонариком в камин, но увидел лишь закопченную кирпичную кладку.

– Видал, Хома? Куда он пропал? Вот это трюк! Офигеть!

– Он туда... Я только даже это, не успел того... Надо позвать Светлану Евгеньевну, – пролепетал Хомяков. И ребят.

– Говорил я тебе, что не простое это место. Так, ты, короче, беги, зови ребят, а я здесь подежурю. Вдруг он еще чего выкинет.

– А не боишься?

– У меня рогатка есть. Если что – как вмажу! Ты давай,

скорее зови всех!

– Ла-адно.

Хомяков ушел, не забыв, впрочем, прихватить бублики, ошарашенный Горшков шарил глазами по комнате, ища другие признаки страшного злодеяния или запутанного преступления, которое ему предстояло раскрыть. Он чрезвычайно гордился тем, что прочитал три тома Конан Дойля и с тех пор не расставался с лупой, при первом удобном случае вынимал ее из кармана, пытаясь определить, кому принадлежал огрызок яблока в столовой или соринка на парте. В последнее время, правда, никаких злодеяний не совершалось, и лупа служила в основном для прожигания дырок в деревянных поверхностях. Сделав несколько кругов по комнате, он решил, что надо вооружиться посерьезнее. Сняв с крючка кочергу, он помахал ею перед камином. Приняв позу бейсболиста, он застыл с кочергой в руке, прислушиваясь.

Однако минуты через две затекли руки. Хомяков и ребята будто пропали, из камина не доносилось ни звука. Петя решительно размотал рогатку, выбрал шарик поувесистее, тщательно прицелился в черноту камина и выстрелил. Однако вместо щелчка раздался глухой «фуп», как если бы он выстрелил в подушку. И шарик пропал!

– Ну все, теперь я сам с этим разберусь! – сказал вслух Горшков и шагнул через решетку.

Хомяков тем временем пробирался к своим. Пройдя половину комнаты, он обнаружил у стены широченный диван, а также то, что очень устал. «Присяду-ка ненадолго», – подумал он и, обняв пакет с бубликами, утонул в куче подушек. Подушки были пыльными, но никогда еще Сева не чувствовал себя так умиротворенно. Съев по случаю пяток бубликов, он и вовсе разомлел, а там и заснул.

Проснулся он от чего-то мягкого, трогающего его за плечо. Открыв глаза, Сева увидел перед собой Афанасия Ивановича.

– Вы устали, молодой человек? Это случается, – предобрейшим голосом сказал тот, высвобождая Севу из мягкого плена.

– Пойдемте, экскур-рсия пр-родолжается, ваши коллеги ждут вас. Вперед, ать-два!

Хомяков смотрел на хранителя, и в памяти всплывали камин, мышь и исчезновение Горшкова. Но он отогнал от себя эти мысли, решив, что это ему приснилось в то время, когда он сладостно дремал на диване. Вместе с Афанасием Ивановичем они вошли в зал, где ребята уже разобрались по кучкам, обсуждая что-то. Афанасий Иванович мягко хлопнул в ладоши:

– Дор-рогие др-рузья, мы пр-родолжаем! Зрелые годы Ильи Антоновича проходили в селе Большие Бубенцы, где он получил в наследство от тетки имение...

И только наблюдательный Великанов заметил, что левое ухо хранителя было едва заметно испачкано сажей.

VII

Горшков сделал решительный шаг, протянул руки вперед и сгруппировался, ожидая наткнуться на холодный кирпич. Но руки уткнулись будто в пыльную вату, а потом и вообще прошли сквозь нее. От неожиданности Горшков потерял равновесие, вывалился вперед и грохнулся на четвереньки, подняв тучу пыли и золы. Когда пыль рассеялась, он увидел гнома. Самого настоящего гнома, ростом не более чем по пояс ему самому, в малиновом колпачке, зеленых штанах, бархатном камзоле и чудесных желтой кожи сапожках. Гном сидел на полу, рядом лежал шарик от рогатки. Гном потирал шишку на лбу, тихонько похныкивая.

– Бабочки, да что ж это такое? Освободили королевским указом от колотушки, и все давно в лоб получил, уи-и-и, как больдо!.. Уволюсь! Прямо сейчас пойду и попрошу жалованья, сил боих больше нет! Поеду к тетке, огород копать...

Горшков, медленно выползая на свет, стал оглядываться вокруг и увидел просторную залу с мраморным полом. По всей видимости, раньше это был тронный зал, о чем свидетельствовали королевский трон, портреты царственных особ на стенах и рыцарские латы по углам. Но потом, кажется, приемы иностранных гостей стали реже, и зал использовался

не по назначению. Трон, правда, был на месте, хоть и с облупившейся позолотой и отломанной ногой, но за ним стояли ряды банок с вареньем и повидлом. В углу громоздились корзины с сухофруктами, другой угол содержал несколько мешков с картошкой. Одна из портьер стыдливо прикрывала огромную бочку с квашеной капустой.

Тем временем гном перестал хныкать, выпучил глазенки на Горшкова и гнусаво заверещал:

– А-а-а! Пожалуйста, не ешьте бедя! Я девкусный! – одновременно суча ножками и тем самым отползая назад. Бабочки! Черное чудовище! Говорила бде бабушка, не соглашайся чистить этот камин! Пожалуйста, не ешьте бедя!..

– Вы... гном? – изумленно пролепетал Горшков. Настоящий?

– Оно еще и разговаривает! Уи-и-и! – наконец, гном вскочил на ноги и кинулся прочь. Но, не пробежав и трех шагов, он споткнулся о корзину лука и растянулся во весь рост. Лук покатился по залу, гном начал хватать луковицы и швырять в Горшкова.

– Уходи обратно в свой кабид! Ба-а-абушка!

Горшков с изумлением взирал на эту картину, не исключая возможности сдать назад.

– Погодите, мистер... эээ... сэр, господин гном! Я не чудовище! Я вас не съем.

Гном, поняв, что его загнали в угол между связками чеснока и мешком орехов, решил перейти в контрнаступление.

Вооружившись огромной морковкой и заслонившись корзиной, он стал наступать на Горшкова, не скрывая, впрочем, некоторого любопытства. Известно, что гномы – чрезвычайно любопытный народ.

– Кто ты такое? Говори скорее, или я тебе задам! Ба-ба-бушка-а!

– Я – Петя Горшков. Школьник...

– А за что ты, Петя Горшок из рода Школьников звезданул бде в лоб стеклянным шаром? А? За что? Или бало бде было колотушек? – плаксиво верещал гном, размахивая грязной морковкой.

– Простите, господин Гном, я не специально.

– Не специа-а-ально, – передразнил тот. А зачем ты лазишь по кабинам? То есть, по кабидам? Проклятая пдищепка... Пугаешь добропорядочных гдомов? То есть гы-добов?.. Тьфу ты!..

– Видите ли... Я и сам не знаю, мы пришли на экскурсию...

VIII

– Паша, а где Горшков? – шепотом спросила Синичкина.

– Э-э-э... Горшков? Не знаю... Там был, – он неопределенно махнул рукой.

– Вы же вместе были! Паша, ну ты чего? Вспоминай! Где он?

– Ну он, это, там остался, где камин... Мы пошли, потом я пошел... Ну и...

– Все как обычно, – назидательно произнесла Лейнекер. – Горшков как всегда набедокурил, куда-то залез и подвел класс. Светлана Евгеньевна, а Гошков пропал!

Светлана Евгеньевна вмиг оказалась рядом.

– Опять...

– Спокойствие, др-рузья, только спокойствие. Здесь ничего и никуда пр-осто так не пр-опадает, – проворковал Афанасий Иванович.

– Реально, Светлана Евгеньевна. Куда он денется? – загомонили ребята. Он в соседнем зале, поди, кинжалы разглядывает. Сейчас мы быстренько сходим, приведем его.

– Хорошо, идите, одна нога здесь, другая там. Синичкина, будешь всю экскурсию его за руку держать. Ой, какой сервиз...

– Ха-ха-ха! На экскурсию! Ха-ха-ха! – гном отложил корзину и заливался смехом. Хорошенькая экскурсия: выбаться сажей и залезть в камин! Впрочем, я не удивляюсь. Со времен, как кодоль пдидумал свои колотушки и пдищепки, в этой зале редко появляются люди. В основном, быши и гуседицы! – и он снова залился смехом. Известно, что гномы – очень веселый народ.

Только теперь Петя заметил, что на носу гнома красовалась... прищепка. Именно она придавала голосу гнома гну-

савый оттенок. Прищепка была сделана очень искусно и покрыта резьбой и позолотой. Известно, что гномы очень искусно изготавливают вещи.

Гном резко вскочил и закрыл себе рот рукой, подбежав к изумленному Горшкову, он зашептал:

– Тссс! Нас богут устышать. В общем, так, Горшок из рода Школьников. Кородь пдоснулся, он сильно не в духе. Ского он будет здесь. Советую тебе умыть лицо, если де хочешь испугать его. А пугать нашего кодоля дучше де дадо – испугаться может, – с этими словами гном подвел Горшкова к зеркалу. Петя не узнал себя: лицо было черным, как уголь, шея и воротник в копоты и золе, а что было со штанами – и сказать страшно.

– Мамочки, ну и трубочист! – только и смог выговорить Петя. – Что же делать?

– Бимбаклюй Мокрошляп! – неожиданно раздался громкий голос позади. Гном подскочил на месте.

– Бимбаклюй Швампедуп Третий из рода Мокрошляпов! – повторил голос, но уже мягче. – Тебе велели вычистить камин, а ты чем занимаешься?

– Господин бидистр, я стал чистить, а тут из камина ка-ак вылетит! Да как шмякнет! Вот, подюбуйтесь – пдеогдомный стеклянный шар стукнуд бедя пдямо в лоб! А потом вот это ка-а-ак вылезет! Чедное, сгдашное!..

– А банку сливового варенья ты от страху съел? – министр носком туфли подтолкнул банку из-под варенья, которая бы-

ла аккуратно замаскирована между мешков с луком.

– Я... я просто хотел подзаправиться перед сложной даботой. Ведь я некогда до этого не чистил кабидов.

– Хорошо. Возьми эту банку и отнеси на королевскую кухню. Да смотри не попадись никому по дороге. Иначе не миновать тебе колотушки.

Гном убежал, а Петя тем временем разглядывал пришедшего человека. Он был небольшого роста, чуть выше самого Пети, одет был в бордовый камзол, некогда богатый и расшитый золотом, теперь же изрядно поношенный, батистовая манишка украшала грудь. На ногах лиловые панталоны с чулками и крепкие туфли с медными пряжками. Человечек был энергичен, лыс, но при этом носил аккуратную бородку. На поясе красовались чехольчик с выглядывающим из него пенсне и золотое яблоко на палочке. На лбу его красовалась лиловая шишка. Петя сразу отметил, что на его носу не было прищепки, иначе снова пришлось бы прислушиваться и разбирать каждое слово.

– Здравсте. Я тут на экскурсию, и это... гном.

– Добрый день, уважаемый господин посол, – человечек заговорил мягко и примирительно. – Король уже на пути в тронный зал и вскоре примет вас. Разрешите представиться – Бука, премьер-министр, руководитель кабинета министров королевства Гнусавия, Уныния и герцогства Полбустук, – он изящно раскланялся. – Не желаете ли чашку чаю?

– Я... не совсем посол, То есть, вроде как посол, но я...

– Понимаю. Сейчас я распоряжусь. Прошу меня извинить, но гном сказал, что вы появились из камина. Как вы там оказались?

– Я, понимаете... – запальчиво заговорил Петя, – мы пришли на экскурсию. С котенком. Потом Афанасий Иванович, то есть, кот, то есть, ну он не настоящий кот... В общем, мышь...

– Понимаю, то есть не совсем, – министр был невозмутим. Давайте же взглянем, как вы вообще там уместились...

Бука подошел к камину, Петя последовал за ним. Министр вытащил из чехольчика пенсне, нацепил на нос и, нагнувшись, стал вглядываться в окно камина.

– Ничего. Совершенно обычный камин.

Бука стал осматривать камин, дымоход, а также стены, Горшков уселся в кресло и стал раздумывать. Где он оказался? Где Хомяков и все ребята? И что же делать дальше? Но основательно поразмыслить ему не удалось. Створчатые резные двери зала распахнулись, и скачущим шагом прискакал человек. Он походил на министра Буку телосложением, что наводило на мысль о том, что в королевстве все люди были похожи. Упитанный, небольшого роста, он был одет гораздо богаче Буки, а корона на голове однозначно указывала на его принадлежность к королевской фамилии.

– Министр Бука! – властно произнес он. – Почему тронный зал в таком ужасном состоянии? Когда починят трон? Где королевский столяр? У нас будут иностранные гости, а

здесь – картошка!

Министр Бука отвечал невозмутимо, и Горшков понял, что на эти вопросы ему приходилось отвечать не в первый раз.

– Осмелюсь доложить, Ваше Величество, что королевский столяр, Шпиндиклюв Орешек – сбежал. После того, как вы обязали всех граждан носить прищепки, Орешек обратился к дворцовому завхозу за инструментами и деревом, не смог выговорить слово «трон», а также слова «палисандр» и «ци-нубель». Завхоз же решил, что Орешек его оскорбляет, и стал драться. После чего оба сбежали. Посему – трон починить некому. Картошку в тронном зале вы повелели хранить особым распоряжением. Вот копия распоряжения, – Бука раскрыл папку, которую держал в руках.

– Довольно! Какой еще орешек? Каким еще распоряжением? Я не помню такого!

– Осмелюсь напомнить, что позапрошлым летом крысы съели всю картошку и репу в королевских кладовых. Королевским котам надлежало носить на носу прищепки, так же, как и жителям, на общем основании. Коты, не желая носить прищепку, взбунтовались, а потом и вовсе сбежали. Вследствие чего крысы расплодились, съели все припасы, вы распорядились перенести припасы в тронный зал.

– Не хочешь ли ты сказать, что из-за того, что я повелел носить прищепки, крысы съели припасы? Что за глупости! А гном? Этот несчастный Орешек, или как там его? Почему

он сбежал?

– Гном узнал о том, что вы собираетесь издать тройной указ о запрете дней рождения, а у него как раз сегодня день рождения!

– Ах вот как? Так, значит, подданные соблюдают мои указы! Сбежал, а кто будет чинить? Ну хорошо же! Указ выйдет сегодня! Сегодня! Я им всем покажу! Дни рождения захотели?! Запретить все дни рождения сегодня и навсегда!

– Ваше Величество, гномы очень любят веселиться. Боюсь, если их лишить этой возможности...

– Веселиться? А работать кто будет? Я лишу! Я запрещу! Я всем запрещу! – Король бегал по зале, махал кулачками и растопыривал пальцы, униженные перстнями. Горшков смотрел на происходящее с изумлением.

– Так... А это кто? Без прищепки! Без колотушки! – король подскочил к Горшкову и разглядывал его. – Так-так, дайте-ка угадаю, господин премьер-министр. Это, – он показал пухлым пальцем, – очередной задержанный за неисполнение королевских указов! А именно – за не-ношение... то есть, за отсутствие ношения... тьфу! то есть... в общем, за то, что не носит прищепку! А что бывает за отсутствие ношения?... то есть... В общем, он ожидает оправки в тюрьму?! – ехидно спросил король.

– Ваше Величество, окончательное решение...

– Окончательное решение – в тюрьму! И немедленно! И только так следует поступать с теми, кто не выполняет указы ко-

роля! Стража!

– Да где же Хомяков?! – Петя вцепился в ручки кресла, раздумывая, стоит ли броситься обратно в камин. – Сказал же ему, зови всех. Тут такое... Меня тут сейчас в тюрьму посадят...

– Ага! Камин! – снова возопил король, подбежав к камину и отрезав путь к отступлению. – Я велел почистить камин! И где? Где, я вас спрашиваю, чистый камин? – с этими словами он заглянул поверх решетки.

Вдруг оттуда вылетел бублик и шмякнулся королю прямо в лоб. От неожиданности Гнампердабль попятился назад и сел на пол. Бублик сделал торжественный круг по полу и остановился.

– Надо же, прямо в лоб! – констатировал Его Величество, потерев лоб, и поморщившись, взял бублик в руки и обнюхал его.

– Бублик, и преотменного качества! – заключил он, вставая. – Господин Министр Бука, – заговорил король, багровея от возмущения, – не сообразовали ли объяснить, почему мы каждый день питаемся черт знает чем, а из камина тем временем сыплются свежайшие бублики? А? Я бы с удовольствием съел бы бублик на завтрак, вместо вашей противной подгорелой каши!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.